

Ирина Протопопова

Герменевтика темпоральности:  
диалектика времени у Платона. Рецензия на книгу:  
А.А. Плешков. *Истоки философии времени: Платон и предшественники*.  
М.: Издательский дом «Высшей школы экономики», 2021

---

IRINA PROTOPOPOVA

HERMENEUTICS OF TEMPORALITY: DIALECTICS OF TIME IN PLATO. BOOK REVIEW:

A. Pleshkov. *The Origins of Philosophy of Time: Plato and Predecessors*.

Moscow: HSE University Press, 2021 (in Russian)

ABSTRACT. The review is devoted to Alexey Pleshkov's book about the philosophy of time in Plato. The reviewer considers the formulation of the research objectives, the specifics of the book structure, and the reconstructionist approach of the author. The main content and conclusions of each of the three chapters of the monograph — "Eternity", "Instantaneity", "Time" — are briefly presented. In conclusion, a description of the integral construction of temporality in Plato proposed by Pleshkov is given: 1) Eternity as the fullness of the ideal being everlasting *hic et nunc*; 2) Instantaneity as a gap in being, functioning as the "other", as a way of non-being of matter, and as a necessary condition of the cosmos; 3) Time as a way of relative being, that is, becoming, which at the same time is subject to order due to its kinship to Eternity. It is emphasized that the author's treatment of temporality in Plato, thanks to the powerful dialectical construction of the book, actually develops into a full-fledged description of Plato's philosophy as an integral system. The reviewer believes that the beauty of this truly clear design is the main "drawback" of the book: such a refined completeness gives the impression that the author is "done and dusted" with the topic. Nevertheless, the book on the whole appeals to the reader as a fruitful union of analytical philosophy and hermeneutics.

KEYWORDS: Plato, temporality, eternity, instantaneity, time, hermeneutics, dialectics.

---

Книга Алексея Плешкова посвящена философии времени у Платона — однако смело можно сказать, что через концепцию времени делается попытка обосновать и раскрыть целостность фило-

---

© И.А. Протопопова (Москва). plotinus70@gmail.com. Российский государственный гуманитарный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 14.1 (2021)

DOI: 10.25985/PI.14.1.16

софского учения Платона. Но это становится ясно после прочтения всей книги, когда общая концептуальная схема исследования открывается как единство, объемлющее «всего Платона». В начале же книги автор так формулирует свою задачу: «вечность, мгновенность и время интересуют меня в полноте их исторического становления и в характерном для Платона горизонте их понимания. Следовательно, реализация моего интереса предполагает, во-первых, анализ слов, передающих эти понятия, во-вторых, анализ специфических образов, связанных с этими понятиями. В таком случае можно сказать, что предметом исследования являются *понятия* вечности, мгновенности и времени; *слова* «вечность» (αἰών), «мгновенность» (τὸ ἐξάίφνης) и «время» (χρόνος); наконец, *образы* времени как полноты, времени как негации и времени как порядка» (с. 17–18).

Перечисленные задачи исследования диктуют структуру книги, четкую и позрачную: она делится на три основные главы — «Вечность», «Мгновенность», «Время», каждая из которых включает а) лексико-семантический анализ релевантного теме словупотребления, б) анализ соответствующих образов в доплатоновской культуре, в) анализ данной темпоральной «интуиции», становящейся понятием, в текстах Платона. Относительно понятий Плешков уточняет: «если анализ слов-времени имеет дело с исторической семантикой, а рассмотрение образов времени — с историческим воображением, то темпоральные понятия предполагают уже собственно философскую работу» (с. 21), «концептуализация подразумевает осознанное сведение ряда значений и образов в единую связанную мысль, имеющую ограниченное лексическое выражение» (с. 22), «концептуализация понятия двигается от возможных значений слова и характерных образов к авторскому оформлению смысла; интерпретация же понятия проясняет его смысл в горизонте возможных значений и доступных образов» (с. 23). Итак, «историческая семантика», «историческое воображение» и «философская концептуализация» оказываются главными фокусами рассмотрения темпоральности у Платона.

Каждая глава делится на две части, из них вторая посвящена философии Платона, первая — значимому для ее обсуждения контексту. Обосновывая содержание привлекаемого контекста, автор с самого начала объявляет, по сути, свое главное понимание всех трех «ипостасей» темпоральности: «три ключевых образа времени — это время как полнота (с обсуждением «времени богов», темпорального статуса древнегреческих законов природы и исторической памяти), время как негация (гомеровское «пустое» время  $\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$  и всеильное уничтожающее время) и время как порядок (время как политический ресурс и проблема денатурализации времени). Среди слов, выбранных для лексико-семантического анализа, —  $\alpha\acute{\iota}\omega\nu$ ,  $\acute{\alpha}\iota\delta\iota\omicron\varsigma$  и  $\acute{\alpha}\epsilon\acute{\iota}$  в первой главе,  $\kappa\alpha\iota\rho\acute{o}\varsigma$  и  $\acute{\epsilon}\xi\alpha\acute{\iota}\omega\nu\eta\varsigma$  во второй, наконец,  $\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$  (а также  $\eta\mu\epsilon\rho$  и  $\omega\rho\alpha$ ) в третьей. Три ранних греческих мыслителя — это Парменид (с неудобной формулировкой «не было, не будет, но есть» во фрагменте В 8), Гесиод (его жуткий, но необходимый Хаос со своими отпрысками) и Эмпедокл (космический цикл и целостный «словарь» вечности). Вторая часть каждой главы сфокусирована на обсуждении темпоральной проблематики в «Тимее» Платона» (с. 25).

Плешков четко обозначает специфику своего подхода: «Подход, который реализуется в этой книге, по своему духу — это герменевтика. Однако я бы хотел назвать его *реконструкционистским* (<..>) Этот подход предполагает, что платоновская философия рассматривается не в контексте последующей европейской темпорологии, но помещается в контекст предшествующей и современной Платону греческой интеллектуальной культуры, в которой и из которой эта философия и возникает» (с. 23–24). Герменевтика темпоральности, предпринимаемая автором, в каждой главе демонстрирует вполне убедительные разборы текстов, на основании чего делаются выводы относительно всех трех основных исследуемых понятий: «вечность», «мгновенность», «время».

В главе о вечности, суммируя примеры и аргументы, связанные с семантикой слова  $\alpha\acute{\iota}\omega\nu$ , Плешков заявляет, что до философии в древнегреческой культуре не было идеи вечности, выходящей

за границы времени (с. 91). Анализируя вслед за этим поэму Парменида, автор показывает, что концепции темпорализма и этернализма не ухватывают новаторской сложности парменидовской мысли и предполагает, «что Парменид здесь приближается к онтологической концепции вечности, согласно которой вечность есть специфическая длительность, не сводимая к темпоральной последовательности» (с. 105).

От Парменида Плешков переходит к Платону: рассмотрев темы, связанные с темпоральностью, в «Федоне», «Меноне», «Пармениде» и «Тимее», он показывает, что для Платона вечность — это некая «атемпоральная длительность»: «рассмотренное само по себе, вне течения времени, это настоящее и является вечностью — *фундаментальной интуицией существования, выраженной в простом „есть“ безотносительно к временным различиям, темпоральной дифференциации*. Вечность для Платона — не что-то трансцендентное и не связанное со временем. Вечность — явленная в настоящем причина и основание времени, всегда присутствующее здесь и сейчас. Используя философскую терминологию, вечность можно определить как атемпоральную (не сводимую к темпоральной последовательности) и длительностную форму существования, характеризующую бытие идеального» (с. 119).

Этот вывод о вечности Плешков в чеканном виде переформулирует в конце первой главы: «вечность у Платона обозначает особый способ бытия парадигмы, предполагающий самотождественное, недвижимое, целостное и совершенное, всегда и бесконечно покоящееся исключительно в настоящем существование. Выступая в качестве ключевой характеристики идеального, вечность является и причиной времени, и относительного бытия всего временного, всегда присутствуя в настоящем конкретного времени и конкретной вещи, но никогда не схватываясь настоящим-во-времени. Итак, во-первых, вечность есть полнота бытия; во-вторых, вечность есть принцип единства существующего; в-третьих, вечность есть условие существования самого времени» (с. 130).

Такой тезис в заданной с самого начала триадической диалектической парадигме требует соответствующего антитезиса — и он рассматривается во второй главе, посвященной «мгновенности». Она начинается с фиксации того, что от вечности как вневременной длительности подлинного, идеального бытия необходим какой-то переход к становлению, то есть к временной длительности, — требуется «нечто третье, что делает возможным „рассечение“ длительности и дифференциацию временных измерений» (с. 131). Искомым «третьим» оказывается материя в ее вневременном существовании, которое Плешков предлагает характеризовать как «мгновенность». Обрисовывая историко-культурный контекст этого своего тезиса — существование вечной материи как мгновенности, — автор анализирует «время как негацию»: сначала пустое время бездействия у Гомера (с. 136–141), а затем «время уничтожающее» (пожирающее молодость и жизнь) в греческой поэзии и трагедии (с. 141–150). Отдельную главку Плешков посвящает образу Хаоса у Гесиода (с. 150–163), и его характеристики как *завора* и *негации* и одновременно необходимого условия существования космоса приближают нас вплотную к «мгновенности» материи.

Но перед этим автор предлагает лексико-семантический анализ слова *καίρός* (с. 164–183), основные смыслы которого связаны с семантикой меры, удела, нормы, и которое, как говорит Плешков, «становится удобным словом для обозначения *качественного времени*» (с. 182), и слова *ἐξαίφνης* (с. 184–190), которое в определенном смысле противоположно *καίρός* и чье семантическое поле в нефилософских контекстах определяют «неожиданность, необходимость и мгновенность» (с. 190).

Сердцевина второй главы — анализ платоновского диалога «Парменид», где показано, что «во Второй гипотезе единому при-сущи все способы пребывания во времени и все возможные временные отношения как раз вследствие изначальной причастности к бытию. Это различие становится возможным не потому, что осуществляется отказ от абсолютизации единого, но потому,

что констатация существования единого означает признание существования *иного*» (с. 196). Благодаря введению «иного» можно снять следующий парадокс: «если настоящее конституирует время и исключает возможность изменения, а само время подразумевает изменчивость, то как это можно объяснить?» (с. 196) Плешков предполагает, что обоснование темпорального статуса *иного* позволит «привести или перевести вневременность единого в его временное многообразие» (с. 197), и видит такое обоснование во введенном в «Пармениде» понятии «мгновенность» (τὸ ἔξαιφνης) (156de). Анализ диалога заключается выводом: «мгновенность — это чистая негативность, необходимая для различия настоящего и прошлого-будущего. Иными словами, это необходимый элемент конституирования времени» (с. 200).

В завершение главы Плешков проводит сравнение понятия τὸ ἔξαιφνης с описанием материи в «Тимее», где ее ключевой характеристикой является как раз негативность (с. 206). Тем не менее негативность материи, как и «мгновенности», является основанием ее необходимости для бытия: «итак, материя мгновенно иная и иная самой себе. Эта перманентная нестабильность, однако, не равнозначна изменению. То, что изменяется, изменяется от одного состояния к другому, т.е. предполагает хотя бы относительную возможность фиксации. Нестабильность же материи — это хаос, в котором все оборачивается всем. Материя, иными словами, не может „удержать“ собственное существование, проявляясь как зазор, разомкнутость. Но в этом самом постоянном исчезновении материи и раскрывается ее необходимость и присутствие, ведь без нее не было бы возможно различие, характерное для мира вещей» (с. 208). Краткое описание смысла мгновенности у Платона автор сжато повторяет в конце главы: «Мгновенность у Платона обозначает особый способ не-бытия материи — всегда иное и иное, лишенное всякой оформленности находящееся вне времени, но лежащее в начале и конце всего становящегося необходимое условие космоса. Выступая в качестве ключевой характеристики материального, мгновенность является условием диф-

ференциации времени и относительного небытия всего временного. Итак, во-первых, мгновенность есть отрицание, негация бытия; во-вторых, мгновенность есть принцип разделенности, разорванности существующего; в-третьих, мгновенность есть условие дифференциации времени» (с. 208–209).

Третья глава посвящена времени, которое, как было понятно с самого начала, «представляет собой результат диалектики вечности идеального и мгновенности материи» (с. 211). На мой взгляд, это наиболее «традиционная» глава, хотя начинается она с описания современных концепций времени: А-теории, предполагающей действительное «течение» временного потока с характеристиками «прошлое» – «настоящее» – «будущее», и В-теории, утверждающей, что время есть лишь соотношение объектов по принципу «раньше-позже» (с. 211–215). Плешков предлагает удерживать этот современный контекст темпоральности для сравнения с концепцией времени у Платона. Автор проводит семантический анализ употребления слов  $\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ ,  $\eta\acute{\mu}\epsilon\rho\alpha/\eta\acute{\mu}\alpha\rho$  (день) и  $\omega\rho\alpha$  (время года) (с. 215–224), рассматривает образы времени в греческом эпосе и трагедии (с. 224–236), а также время и порядок у Эмпедокла, который, по мнению Плешкова, «подготавливает почву для дальнейшей философской концептуализации понятий вечности и времени у Платона» (с. 237). Отдельные главки посвящены времени как политическому ресурсу (с. 255–259) и денатурализации времени, связанной с развитием показывающих и измеряющих время приборов и с усовершенствованием календарной системы (с. 259–264).

Все это подготавливает анализ времени у Платона, прежде всего «физики и метафизики времени» в «Тимее». Завершающий вывод относительно времени звучит так: «время у Платона обозначает особый способ относительного бытия, т.е. становления, космоса. Этот способ существования не самодостаточен и определяется двумя метафизическими причинами, т.е. является результатом диалектического взаимодействия вечности и мгновенности. Как причастное к вечности, время является полно-бытным

и бесконечным, целостным и завершенным. Необходимо участвующая во времени мгновенность делает его движущимся, изменчивым и нестабильным, блуждающим. Тем не менее ключевой характеристикой времени является родственность вечности, а потому в своей целостности время достигает наибольшего и наилучшего сходства с собственным образцом. Потому оно и может быть выражено в стабильном математическом выражении, с помощью числа. Кроме того, связанность понятий души и времени делает последнее важным элементом этикополитической программы Платона: размышление о времени ведет человека к наилучшей жизни» (с. 288).

Таким образом, целостная конструкция, предлагаемая Плешковым, выглядит так: 1) *вечность* как полнота длящегося «здесь и сейчас» идеального бытия; 2) *мгновенность* как зазор, зияние, разрыв в бытии, функционирующий как *иное*, как способ не-бытия *материи* и необходимое условие космоса; 3) *время* как способ относительного бытия, то есть становления, при этом подверженно упорядоченности благодаря своей родственности вечному.

Как было сказано в начале рецензии, тема темпоральности у Платона благодаря мощной диалектической конструкции книги перерастает, по сути, в описание платоновской философии как некой целостной системы. Это происходит, поскольку Плешков рассматривает «темпоральность» всех трех главных родов, как они описаны в «Тимее»: идеальное бытие парадигмы; парадоксальное бытие хоры-материи; бытие мира становления как «отпечатка» образца. Поэтому через темпоральность связываются главные выделяемые Платоном сферы бытия, и платоновская философия оказывается упорядоченной системой, своего рода совершенным космосом. На мой взгляд, красота этой действительно стройной конструкции и является главным «недостатком» — такая отточенная завершенность производит впечатление, что автор «закрыл тему».

Строгое следование логике этой конструкции порой продуцирует, как мне кажется, натяжки: так, автор приводит в пример



сцену из «Критона», где Сократу предложено бежать. «Сократ решительно отвергает возможность бегства, отвечая Критону (54d): „Вот ты и знай, каково мое мнение теперь ( $\nu\acute{\upsilon}\nu$ ); если ты станешь ему противоречить, то будешь говорить понапрасну“. Это теперь- $\nu\acute{\upsilon}\nu$ , настоящее, как становится ясно из проведенного анализа, не имеет никакого отношения к мгновенности- $\acute{\epsilon}\xi\alpha\acute{\iota}\phi\upsilon\eta\varsigma$ , но, выступая в качестве определяющей причины всей философской деятельности Сократа, характеризует полноту его жизни- $\alpha\acute{\iota}\omega\acute{\nu}$ » (с. 288). Думается, что Сократу, часто выступающему в разных диалогах в качестве гистриста, ироника и трикстера, меняющего «маски», морочащего людей и даже прямо заявляющего, что он «ничто» (*Smr.* 219a), в высшей степени свойственно поведение, которое можно характеризовать как проявление «иного». Интерпретация же сквозь призму предлагаемой автором концептуальной схемы превращает Сократа в благостного проповедника в духе Ксенофонта.

Однако мое точечное замечание, как и рецензия в целом, — лишь первый набросок к подробному разбору книги, которая его, конечно, заслуживает. Специально отмечу, что обращение Плешкова к достаточно широкому кругу «доплатоновских» античных авторов отлично помогает увидеть как традиционные мотивы в платоновской трактовке темпоральности, так и его новации, и выбранная автором структура книги, где каждая глава четко делится на анализ темпоральности в лексико-семантическом, «образном» и философском контекстах, полностью себя оправдывает. Не менее ясен и язык автора, который внятно и по существу излагает сложную философскую проблематику, порой не чуждаясь юмора и некоторой поэтичности. Вообще, в целом впечатление от книги можно описать словами самого Плешкова о его реконструкционистском подходе: «это привитая к аналитической философии герменевтика» (с. 24). Думается, такой альянс получился весьма плодотворным и требующим дальнейшей дискуссии.